

стран как минимум на две технологические эпохи. Для нашей страны связь экономической и институциональной систем все еще носит иерархический характер, поэтому анализ институциональной системы без учета механизмов ее взаимодействий с экономической системой, представляется чисто абстрактным теоретическим конструктом, оторванным от реальных процессов, происходящих в экономике.

Литература

1. Уильямсон О. Сравнение альтернативных подходов к анализу экономической организации // Уроки организации бизнеса. – СПб.: Питер, 1999. – С. 50 – 62.
2. Норт, Даглас. Институції, інституційна зміна та функціонування економіки / Пер. з англ. І. Дзюб. – К.: Основи, 2000. – 204 с.
3. Иридина С. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация // Вопросы экономики. – 2004. - № 10. – С. 89 – 106.
4. Я. Кузьминов, В. Радаев, А. Яковлев, Е. Ясин. Институты: от заимствования к выращиванию // Вопросы экономики. – 2005. - №5. – С. 5 – 27.
5. Б.Г.Клейнер. Эволюция институциональных систем. – М.: Наука, 2004.–312 с
6. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. – М.: Айрис – Пресс Рольф, 2002. – 602 с.
7. Гамаюнов С. От истории синергетики к синергетике истории // Общественные науки и современностью – 1994. - №2. – С. 95 – 105.
8. Дэвид Старк. Гетерархия: неоднозначность активов и организация разнообразия в постсоциалистических странах // Экономическая социология: Новые подходы к институциональному и сетевому анализу. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2002. – С. 50 – 72.
9. В. Тарасевич. К стратегии универсализации экономических преобразований // Экономика Украины. – 2000. – № 11. – С.45 – 58.
10. Мясникова Л. Российский менталитет и управление // Вопросы экономики. – 2000. – № 8; См. также: Мясникова Л. Глобализация экономического пространства и сетевая несвобода // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 11.
11. Гейтс Б. Бизнес со скоростью мысли. – М.: ЭКСМО, 2002. – 217 с.
12. Дилигенский Г. Глобализация в человеческом измерении // Мировая экономика и международные отношения. – 2000. – № 7. – С. 7.
13. Кастельс М. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М.: Academia, 1999. – С.494 – 505.
14. Кастельс М. Могущество самобытности // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. – М.: Academia, 1999. – С.297.

Статья поступила в редакцию 05.01.2006

С.В. ДЕГТЯРЕВА, к.э.н., доцент,
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского

ОБ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЯХ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ

Одним из важных вопросов современной институциональной теории является исследование институциональных изменений. Существенный вклад в разработку этой проблемы внес Д. Норт [1,2]. Его новая экономическая история представляет институты как «правила игры» и рассматривает изменения в экономической истории как снижение транзакционных издержек. Рассмотрению институциональных изменений в российской экономике посвящены работы В.Л. Тамбовцева [3]. Ори-

гинальную трактовку институциональных изменений дает В.В. Дементьев. Он считает, что институциональные изменения происходят под влиянием «сдвига власти» в экономической системе, а институциональная структура является источником власти [4, с. 170-171]. Однако, как отмечает В.Л. Тамбовцев, в настоящее время в экономической науке нет единой, общепризнанной теории институциональных

© С.В. Дегтярева, 2006

изменений [3, с.45]. Теория институциональных изменений может быть составной частью более общей теории общественного (экономического) развития. Р.М. Нуреевым и В.Ю. Латовым было отмечено, что «основой такого синтеза может быть трактовка экономического развития как глобальной конкуренции экономических систем и институтов, в процессе которой происходит отбор – отчасти осознанный, отчасти стихийный – наиболее эффективных путей социально-экономического развития человечества. В основе этого подхода лежит соединение неoinституционализма Д. Норта с теорией социально-экономических систем, разрабатываемой марксистами и «старыми» институционалистами» [5, с.21].

В настоящей статье мы постараемся сформулировать в достаточно общем виде свое представление о проблеме институциональных изменений. При исследовании этой проблемы мы будем опираться на основные теоретические положения, представленные нами в научном докладе на третьей ежегодной научной конференции «Проблемы современной экономики и институциональная теория» [5, с.92-99].

Нам представляется плодотворным начинать исследование институциональных изменений в общественной системе с анализа таких категорий, как менталитет и социально-экономический генотип. Такой подход может представлять синтез неoinституциональной теории и марксистской теории социально-экономических систем.

Менталитет, в толковании Д. Норта, есть субъективное восприятие экономическим агентом объективных экономических условий. Именно это восприятие экономических агентов и определяет их выбор. [2, с.8]. Механизм институциональных изменений, как отмечает Д. Норт, запускается путем объединения внешних изменений и внутреннего накопления знаний у субъекта институциональных изменений. Эти внешние и внутренние условия институциональных изменений отражаются в мысленных (ментальных) конструкциях действующих лиц [2, с.8].

Далее мы попытаемся дать свое

представление о категории «менталитет» и его месте в теории институциональных изменений.

Определение менталитета пришло в экономическую теорию из философии и психологии, поэтому остановимся, прежде всего, на философских и психологических его характеристиках.

Существует ряд определений менталитета: менталитет – «совокупность исторически сложившихся психологических особенностей поведения нации» [6, с.174], «своеобразная память (разрядка моя – С.Д.) народа в прошлом, психологическая детерминанта поведения миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах»... [7, с.25]. Бутенко А.П. и Колестниченко Ю.В., основываясь на исследованиях психолога Л.С. Выгодского, отмечают генетические, исторические, природно-климатические источники этого явления, определяя, главным образом, менталитет как код, детерминирующий социальное поведение отдельного человека и нации [8, с.92]. Менталитет – «подсознательная социально-психологическая «программа» действий и поведения отдельных людей, нации в целом, проявленная в сознании и в практической деятельности людей» [9, с.81].

Психологи оперируют родственным менталитету понятием психологического архетипа (коллективного бессознательно-го), генетически воспроизводимого в рамках этноса и закрепляемого в культуре и традициях народа. Такое определение имеет своей основой теорию К.Г. Юнга (1875-1961), который, в частности, отмечал: «Сам мозг рождается с определенной структурой, работает современным образом, но этот же самый мозг имеет и свою историю, результатом которой он сам и является. Естественно, что он функционирует со следами этой истории... и если поискать в основах мозговой структуры, то можно обнаружить следы архаического разума» [10, с.34]. Эти следы, по К. Юнгу, представлены в коллективном бессознательном (архетипе), изнутри управляющим нашими базовыми реакциями на

внешнюю действительность.

Обобщая представленные определения, можно сказать, что менталитет (архетип) определяется авторами близкими по значению понятиями: «память народа в прошлом», «генетический код», «подсознательная социально-психологическая программа».

И менталитет, и архетип можно представить как некое основание, нерушимое и неделимое, которое выражает сущность нации во все времена. Это то архаическое основание, которое остается, а если погибает, то вместе с нацией, когда в периоды бурных потрясений разрушаются более новые пласты национальных черт и характеристик.

Менталитет можно представить, образно говоря, как неформальный мета- или пра- институт, содержащий в себе всю генетическую информацию, обеспечивающую социальное воспроизводство общества данного типа.

Возможно определить исторические границы возникновения этого неформального пра- или мета- института. Нам представляется верным утверждение С. Кирдиной, считающей, что «общества начинают свою жизнь тогда, когда они приобретают возможность воспроизводить «нажитую информацию», и институциональные матрицы служат механизмом ее передачи. Поэтому выявление институциональных матриц возможно только для общества с воспроизводящейся историей, и их бесполезно искать в «доиндустриальной эпохе» [11, с.93].

Менталитет как неформальный базовый пра- или мета- институт проецирует генетическую информацию на все сферы социальной жизни, в том числе и на политику, идеологию и экономику. Под влиянием основополагающей информации, которую несет менталитет, происходит становление неформальных, а далее и формальных институтов всех сфер общественной жизни.

Менталитет как неформальный пра- институт – это незыблемая, устойчивая универсальная матрица, несущая информацию об особенностях проявления на-

ционального в социальных отношениях (в культуре, религии, политике, идеологии, экономике и т.д.). Как всякий неформальный институт, он склонен к устойчивости, развивается очень медленно и сопротивляется резким изменениям, особенно переносу чужих институтов из других обществ и культур.

Изменение этой незыблемой универсальной матрицы (менталитета), как и всей институциональной системы, осуществляется очень медленно, путем «малых приращений» [12, с.350-351]. И именно каждое последующее приращение в институциональной системе опирается на те институты, которые уже существуют и, прежде всего, последующее приращение задается, прежде всего, пра- или мета- институтом – менталитетом. Таким образом, мы имели смелость немного видоизменить формулировку открытого институциональной теорией эффекта – path dependence – «зависимости от траектории предшествующего развития» или просто институциональной преемственности [12, с.351].

Открытие данного эффекта позволило дать научное обоснование факту влияния исторического опыта, культуры и менталитета каждого народа на его сегодняшнее и будущее состояние.

Итак, менталитет как мета- или пра- институт, базовая, основополагающая информационная матрица, базовая, основополагающая рамка (перефразируя определение институтов А.Н. Олейника), которая задает особенности институциональной структуры национальной модели обществ с воспроизводящейся историей. Это нерушимое и неделимое архаическое основание характеризует стабильность институциональной системы общества. Мы считаем менталитет объективным, независимым от воли и сознания этноса и отдельного индивида явлением (коллективное бессознательное).

Менталитет этноса, нации есть подсознательная программа действий как этноса в целом, так и отдельного субъекта. Являясь субъектом институциональных изменений, экономический агент свободен в своих действиях в рамках этой коллек-

тивной подсознательной программы.

И если менталитет характеризует стабильность, неизменность структуры институциональной системы, то социально-экономический генотип определяет динамичность, изменчивость этой системы. В понимании сущности и структуры социально-экономического генотипа мы опираемся на разработку Е. Майминаса.

Концепция социально-экономического генотипа была разработана Е. Майминасом достаточно давно (10 лет назад). Она и в настоящее время представляет интерес, с нашей точки зрения, тем, что Е. Майминас попытался выйти за рамки ортодоксальной марксистской экономической теории и найти источники эволюции социально-экономической системы России конца 90-х годов в механизме изменения, прежде всего, неформальных институтов.

Е. Майминас не использует термины институциональной теории, но фактически анализирует механизм институциональных изменений (на наш взгляд, на уровне постановки проблемы) в российской экономике. Определяющий тезис его исследования следующий: «Экономическое развитие России, осуществляемые в стране реформы и оценка их возможного хода и последствий существенно зависят от господствующего в обществе социально-экономического генотипа» [13, с.131]. Дается им определение социально-экономического генотипа: «это информационный механизм социального наследования и социальных изменений, обеспечивающий воспроизведение структуры, принципов функционирования, процессов регламентации и обучения (отбора, запоминания и распространения позитивного опыта) в определенной экономической системе... Другими словами, социально-экономический генотип – это механизм социальной эволюции, совмещающий характеристики трех ее сторон: наследственность, изменчивость и селекцию. Носителем социально-экономического генотипа является общество или его крупные группы (этносы, классы, другие социальные страны). Он «впечатывается» в каждого отдельного индивида на всех уровнях, в многообразных

информационных формах (семья, малая референтная группа, средства массовой информации, обучение, воспитание и т.д.). В совокупности социально-экономический генотип – эта многослойная память общества, образует как бы информационную матрицу, по которой воспроизводится структура функционирования данного общества, способы взаимодействия его членов» [13, с. 132].

Категория «социально-экономический генотип», предложенная Е. Майминасом, близка в своей трактовке к понятию «менталитет» в представленной нами концепции. В стабильном, неизменном состоянии (наследственность – в трактовке Е. Майминаса) эти понятия совпадают. Категория «социально-экономический генотип» несет изменения общественного развития (изменчивость, селекция – в понимании Е. Майминаса).

Изменения структуры социально-экономического генотипа могут быть истолкованы, если их переложить на язык институциональной теории, как механизм институциональных изменений (такой подход дается нами в порядке постановки). «В предельно упрощенном виде структура социально-экономического генотипа, – отмечает Е. Майминас, – может быть представлена так. В ее основе лежит система социально-экономических интересов и система культуры данного общества. Их пересечение интегрируется в системе ценностей. Через «переходник» ценностных ориентаций и установок она воплощается в мотивационном комплексе и связанном с ним блоке социально-психологических характеристик. Все это конкретизируется в парадигме социального поведения и действия и, наконец, олицетворяется в системе норм и стимулов.

Так, от глубинных, во многом, интимных социальных и духовных ценностей социально-экономический генотип ступень за ступенью поднимается на поверхность общественной жизни в виде элементов социального и хозяйственного механизма. Он образует вполне определенную, хотя и не во всех своих звеньях улавливаемую целостность» [13, с.132].

Взаимосвязь и взаимопереход «менталитет» – «социально-экономический генотип» можно рассматривать как изменения, прежде всего, в неформальных институтах: социально-экономические интересы, система культуры – система ценностей – ценностные ориентации и установки – мотивационный комплекс и блок социально-экономических характеристик – парадигма социального поведения и действия – система норм и стимулов. Однако, как отмечают исследователи, «взаимоотношение между формальными и неформальными институтами – один из основных и самых трудных для анализа факторов институциональной динамики» [12, с.309].

Взаимосвязь «менталитет» (устойчивость, стабильность институциональной системы) – «социально-экономический генотип» (изменчивость в рамках устойчивости) развивается путем «малых приращений», формирует направленность изменений в рамках траектории предшествующего развития. Неформальные институты (конституция, гражданский и другие кодексы, законы, постановления и др.), возникшие вследствие существования основополагающей институциональной матрицы, стремятся сохранить эту институциональную матрицу, «рационализируют» ее вследствие развития идеологии и политики в рамках траектории предшествующего развития.

Итак, сделаем выводы.

В настоящей статье, в порядке постановки, была сделана попытка в общем виде дать представление о механизме институциональных изменений в национальной модели экономики. Для реализации этой цели автор раскрыл понятие таких категорий как менталитет и социально-экономический генотип, показал единство и различие этих явлений и понятий, их взаимосвязь.

Менталитет определяется в статье как неформальный мета- или пра- институт (терминология автора – С.Д.), содержащий всю генетическую информацию, обеспечивающую социальное воспроизводство общества данного типа. В концепции автора менталитет представляется как исходный

институт, являющийся, если так можно выразиться, институциональным «скелетом» того или иного общества. Из него формируется вся институциональная система как заданная этой основополагающей информационной матрицей определенная мера формальных и неформальных институтов.

Менталитет характеризует стабильность, неизменность структуры институциональной системы; социально-экономический генотип определяет изменчивость, динамизм этой системы. Категории в анализе автора достаточно близкие. Социально-экономический генотип выражает уровень функционирования менталитета. Функционирование и институциональные изменения рассматриваются через структуру социально-экономического генотипа, представляющую систему неформальных институтов. Механизм институциональных изменений определенной структуры общества можно рассмотреть в дальнейших исследованиях через взаимодействие этих институтов, выявив конкретных субъектов на разных уровнях этого взаимодействия. Сложным может представляться анализ особенностей структуры менталитета – социально-экономического генотипа конкретной национальной экономической модели, в частности, анализ этого единства в российской экономической модели. Нуждается также в основательной проработке взаимосвязь формальных и неформальных институтов в механизме институциональных изменений.

Литература

1. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики – М., 1997.
2. Норт Д. институциональные изменения: рамки анализа // Вопросы экономики. – 1997. – №3.
3. Тамбовцев В.Л. Институциональные изменения в российской экономике // Общественные науки и современность. – 1999. – №4.
4. Дементьев В.В. Власть: экономический

анализ. Основы экономической теории власти – Донецк: Каштан 2003.

5. Научные труды Донецкого национального технического университета Серия экономическая. Выпуск 89-1. Донецк, 2005.

6. Политология: энциклопедический словарь. – М.: 1994.

7. Российская ментальность //Вопросы философии. – 1994. – №1.

8. Бутенко А.П., Колесниченко Ю.В. Менталитет россиян и евразийство //СОЦИС. – 1996. – №5.

9. Идейное наследие В.С. Соловьева и проблемы наступающего века. /Материалы всероссийской научной конференции 5-6 октября

2000, ч.П, Омск 2000.

10. Юнг К.Г. Аналитическая психология. – Санкт-Петербург, 1994.

11. Кирдина С. Институциональная структура современной России: эволюционная модернизация //Вопросы экономики. – 2004. – №10.

12. Нестеренко А.Н. Экономика и институциональная теория, – М.: 2002.

13. Майминас Е. Российский социально-экономический генотип //Вопросы экономики. – 1996. – №9.

Статья поступила в редакцию 12.01.2006

В.В. МОРТИКОВ, д.э.н., профессор,

Восточноукраинский национальный университет им. В.Даля, г.Луганск

К ВОПРОСУ ОБ ИГРАХ В ОБЩЕСТВЕННОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ.

В настоящее время больше внимания обращается на общие проблемы институционализма. Между тем имеет смысл пристальнее посмотреть на исследовательский инструментарий институциональной теории, в первую очередь на теорию игр [см. напр.: 1, 2, 3]. Актуальным представляется использование данной теории для анализа реальных экономических ситуаций на отдельных рынках, в определенных секторах экономики.

Одним из таких секторов экономики, представляющих определенный интерес с позиции игровых взаимодействий, является общественный сектор, то есть сектор, в котором создаются общественные блага. Целью статьи является общеэкономический анализ некоторых игровых ситуаций в данном секторе, в том числе и тех из них, которые являются присущими переходной экономике Украины. При этом мы попытаемся не делать различий между игрой как фактом экономической действительности и игрой как способ познания экономического явления.

Большинство игр в общественном секторе экономики осуществляется при участии государства и относится к категории игр «принципал-агент». Взаимодействие в одной из таких игр, весьма распространенной в современной Украине, осу-

ществляется:

- между государством (агентом) – выразителем экономических интересов и воли избирателей и населением (принципалом);

- между населением (агентом) – исполнителем общественной воли и государством (принципалом).

Среди стратегий государства: выполнять, не выполнять обязательства перед населением (оппортунистическое поведение государства). Государство может идти по пути добросовестного выполнения функций, возложенных на него гражданами в области обеспечения безопасности, развития фундаментальной науки, здравоохранения, образования, а может уклоняться от реализации делегированных ему задач. Среди стратегий граждан: выполнять, не выполнять своих обязательств перед государством, всем обществом (оппортунистическое поведение граждан): уклоняться от уплаты налогов, от службы в армии и др.

Игра может принять форму стратегий, которые выстраиваются последовательно одна за другой. К примеру, граждане полностью выполняют свои обязательства перед государством: платят налоги,

© В.В. Мортиков, 2006